

Тунгусо-маньчжурские слова и суффиксы со значением ‘человек’

А. М. Певнов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
pevnov@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7421-7777>

Аннотация. В пратунгусо-маньчжурском языке можно реконструировать несколько вариантов слова со значением ‘человек’: **н'иа*, **н'а*, **н'й*. В языках-потомках от вариантов **н'иа* и **н'а* были образованы адъективные формы, которые впоследствии стали употребляться субстантивно (эвенское *н'ари* ‘мужчина’, орокское *нари* ‘человек’ < **н'а-рй* ‘человеческий’, маньчжурское *н'алма* ‘человек’ < **н'а-рй-ма* ‘человеческий’). От также адъективной формы **н'а-кун* было образовано, например, нанайское слово *наон'жокā* ‘мальчик’, оформленное составным диминутивным показателем (< **н'а-кун-жж-кāн*). В некоторых тунгусо-маньчжурских языках представлены рефлексy еще одной производной формы — **н'иа-ра* (значение словообразовательного суффикса остается неизвестным). Непроизводная форма сохранилась в орокском языке (*н'а* (< **н'иа*) ‘человек’), а также, вероятно, в анюйском говоре удэгейского. В тунгусо-маньчжурских языках (за исключением маньчжурского и чжурчжэньского) имеются лексические суффиксы, восходящие к слову **н'й* ‘человек’, а также к **н'иа* ~ **н'а* ‘человек’. Эти суффиксы оформляют числительные первого десятка (‘три человека; втроем’ и т. д.). Кроме того, они присоединялись к некоторым существительным и даже к глагольным основам. К постпратунгусо-маньчжурскому состоянию (после обособления предка чжурчжэньского и маньчжурского языков) восходит слово **бун'й* (‘мертвый человек’ > ‘загробный мир’, ‘смерть’), оформленное суффиксом, который происходит от слова **н'й* ‘человек’. Весьма активно употребляется «человеческий суффикс» в орокском (уильта): в этом языке суффикс -*н'н'ε* может оформлять слова, допускающие именное словоизменение. Орокский суффикс -*н'н'ε* восходит к слову **н'иа* ‘человек’, заимствованному, вероятно, из орокского и подвергшемуся уже в орокском языке аффиксализации, то есть превращению в аффикс, причем в данном случае без последующей грамматикализации. Таким образом, орокская морфема -*н'н'ε* имеет лексическое значение (лексический суффикс).

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, реконструкция, словообразование, адъективирующие суффиксы, аффиксализация, лексический суффикс.

Manchu-Tungusic words and suffixes meaning ‘person’

Aleksandr M. Pevnov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg; Russia); pevnov@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7421-7777>

Abstract. The word for human being in the Manchu-Tungusic (Tungusic) protolanguage may be reconstructed as **n'ia*, **n'a*, **n'i* (in Ewenki, Solon, Ewen, and Neghidal the words for person are *bəjə*, *bəi* ~ *bəjə*, *bəj*, *bəjə*, respectively). In the descendants of the protolanguage, some adjective forms were derived from these words. Later, the derivative adjective forms (**n'a-rī*, **n'a-rī-ma*, **n'a-kun*) developed substantive uses: **n'a-rī* ‘human’ (adj.) > ‘human being’, **n'a-rī-ma* ‘human’ (adj.) > ‘human being’, **n'a-kun* ‘human’ (adj.) > ‘human being’. Ulcha and Ewenki demonstrate reflexes of yet another derivative form with an unidentified suffix: **n'ia*. These protoforms gave rise to contemporary words like Ewen *n'ari* ‘man, male’, Orok (Uilta) *nari* ‘person’, Nanai *nai* ‘person’, Manchu *n'alma* ‘person’, Jurchen **n'arma* ‘person’, Nanai *naonžokā* (< **n'a-kun-žū-kān*) ‘boy’, Ewenki *n'ėrawi* ‘person’. Forms without a historical derivational suffix may have been retained in Oroch *n'æ* (< **n'ia*) ‘person’ and, possibly, in Anyui Udihe *n'ē* ‘person’ (used in folklore to address a stranger). In Manchu-Tungusic languages, except in Manchu and Jurchen, numerals from one to ten include lexical suffixes standing for ‘person’, e.g. Ulcha *ila-n'i*, Orok *ilān'n'ē*, Oroch *ila-n'æ*, Solon *ila-ne* (*ila-n'ē?*) ‘three people’, Ewenki *ilan-i* ‘three people (together)’ (the suffixes of these words are derived from **n'i*, **n'ia*, **n'ari* ‘person’). The “human suffixes” also could be added to some substantives and even to some verb stems: Ewen *hō-n'i* ‘hero, superman’, Oroch *sāgda-n'i* ‘old people’, Ewenki *bu-n'i* ‘dead person’, Solon *bu-ne* (*bu-n'ē?*) ‘1. corpse; 2. the underworld, deadland’, Nanai *bu-n'i* ‘the underworld, deadland’. In Orok, the “human suffix” *-n'n'ē* shows active use, e.g.: *gēda-n'n'ē* ‘one person’, *sagžī-n'n'ē* ‘old person’, *xasū-n'n'ē* ‘how many people?’, *tari-n'n'ē* ‘that person’, *sokto-xo-n'n'ē* ‘drunk person’. The last example is of particular interest because the “human suffix” is added to the participle. The following example demonstrates a relatively recent fusion of two Orok words: *doro-n'n'ē-n'i* ‘a person of Doro (North Sakhalin)’ (*doro*-PERSON-POSS.3SG; < **doro n'ia-n'i*). The Orok suffix *-n'n'ē* goes back to the word **n'ia* ‘person’, apparently borrowed from the

Orok language. In the ancestor of the Orok language, the word **n̄ia* ‘person’ was affixalized, i.e. the word became an affix which in this particular case was not grammaticalized. Thus the Orok morpheme *-n̄iē* has the lexical meaning.

Keywords: Manchu-Tungusic (Tungusic) languages, reconstruction, derivation, adjectivizing suffixes, affixalization, lexical suffix.

1. Слова со значением ‘человек’ в тунгусо-маньчжурских языках

В эвенкийском, солонском, эвенском и негидальском языках слова *бэ́э*¹ (эвенк., нег.), *бэ́* (эвен.), *бэи ~ бэ́э* (сол.)² означают ‘человек’ (эвенк., сол., эвен., нег.), ‘мужчина’ (эвенк., эвен., нег.), ‘сам’ (сол., эвен., нег.); в остальных тунгусо-маньчжурских языках (в ороцком, удэгейском, ульчском, орокском (уильта), нанайском, маньчжурском и чжурчжэньском) соответствующие слова имеют значения ‘тело, туловище’, ‘сам’ [ССТМЯ 1975: 122–123]. В [ССТМЯ 1975: 123] со ссылкой на работы Н. Поппе и Г. Рамстедта приведены соответствия этим словам в монгольских языках. В монгольском письменном языке слово *bejɕ(n)* означает ‘тело, телосложение, организм; здоровье’, а также ‘личность, индивидуум; сам’ [MED 1960: 94–95]. В одном из тунгусо-маньчжурских промежуточных праязыков — в собственно

---

¹ В данной статье в целях унификации все слова тунгусо-маньчжурских языков транслитерированы в соответствии с транскрипцией, принятой в [ССТМЯ 1975, 1977]; сингармонические варианты (*й, ү, к*) при этом не отмечаются. При необходимости внести коррективы в цитируемые примеры я использовал фигурные скобки — в них помещены в частности примеры с обозначением палатализации звука *n* перед гласными *и, й, е, э*.

² В [ССТМЯ 1975: 122] приведено солонское *бэи ~ бэ́э* ‘1. человек; 2. сам’, однако в солонско-китайском словаре [Do·Derji 1998: 68] слово *бэ́и* переведено как ‘тело’ — по-видимому, это данные разных диалектов солонского языка.

тунгусском (непосредственном предке эвенкийского, солонского, эвенского и негидальского языков, а также ороченского и хамниганского идиомов) — значение изменилось, рефлексы заимствованного пратунгусоманьчжурского слова *бэјэ ‘тело’, ‘сам’ стали означать ‘человек’ (а также ‘мужчина’, ‘сам’).

Пратунгусоманьчжурское слово со значением ‘человек’ имеет варианты **н’иа*, **н’а*, **н’й̄*. В современных тунгусо-маньчжурских языках рефлексы слова **н’й̄* представлены суффиксом со значением ‘человек’ (об этом см. дальше в пункте 2.1), в то время как два первых варианта — **н’иа* и **н’а* — были использованы в качестве производящих основ для слов, имеющих значение ‘человек’.

То, что различающимся по гармонии гласных восходящим дифтонгам *иа* и *из̄* может соответствовать долгий гласный *й̄*, можно проиллюстрировать следующими примерами: **омй̄* ~ *омиа ‘душа (перевод весьма условный)’ (ср., напр., эвенк. *омй̄* (Тмт, Члм, Учр, Алд, Ие) ‘1) душа; 2) дух, дух-хозяин’ [Мыреева 2004: 465] и нан. *омиа* ‘ребенок в утробе матери’ [Оненко 1980: 310]); **гй̄* ~ *гиа (а также *гуа) ‘один из двух, другой’ (ср., напр., эвенк. *гй̄-л* (Тмт, Учр, Ие, 3) ‘1) другие; 2) остальные’ и эвенк. *г̄э* (< *гиа) ‘1) другой, второй; 2) следующий; 3) иной’ [Мыреева 2004: 131, 134]); **н’й̄-кй̄* ~ **н’из̄-киэ* ‘утка’ (ср. эвенк. *н’й̄кй̄* ‘утка’ и маньчж. *н’эхэ* ‘утка’, а также нан. *н’й̄чиэ̄* ~ *н’из̄чэ̄* ‘утка’ с другим словообразовательным суффиксом).

От вариантов **н’а* и **н’иа* были образованы суффиксальные производные с тем же значением ‘человек’ — они представлены во всех тунгусо-маньчжурских языках. Неосложненная словообразовательным суффиксом основа сохранилась в ороченском языке, а также, вероятно, в анюйском говоре удэгейского: ороч. *н’ә* ‘1) человек; 2) (иногда) мужчина; 3) кто-то, некто; 4) другой, чужой, посторонний человек’ [Аврорин, Лебедева 1978: 210]; уд. *н’э̄* (Ан) ‘(фольклорное слово) человек (при обращении к незнакомому)’ [ССТМЯ 1975: 599]. Впрочем, ороченское и удэгейское *н’й̄* ‘человек’ можно возводить как к **н’арй̄* (ср. ороч. *тэи*, *тй̄* ‘тот’ < **тарй̄*), так и к **н’й̄*.

Одним из дериватов было слово **н’арй̄* ‘человек’, оформленное суффиксом **-рй̄*; по-видимому, этот же суффикс представлен

в местоимениях *эри́ ‘этот’ и *тари́ ‘тот’³, так что первоначально слово *н’ари́ могло означать ‘человеческий’. Приведу по [ССТМЯ 1975: 598–599] несколько рефлексов этого деривата:

эвен. *н’ари* (Ол, Алл, Б, М, Ох, П, Ск, Т) ‘1) мужчина (Алл, Б, К-О, Ох, Ск, Т); 2) мальчик (Ол, Б, К-О, Ох, П, Ск, Т); 3) юноша, парень (Ох)’ (в сочетании с некоторыми существительными слово *н’ари* указывает на принадлежность к мужскому полу)’; ульч. *н’и* ‘человек’, орок. *нари* ‘1) человек; 2) мужчина; 3) мужской пол’; нан. *наи* ~ *нај* (Нх, Бк) ‘1) человек; 2) особь’.

От слова *н’ари́ ‘человек’ (первоначально ‘человеческий’) в предке чжурчжэньского и маньчжурского языков было образовано прилагательное *н’ари́-ма⁴ ‘человеческий’ > чж. *н’арма (транскрипция В. Грубе: *niēh-gh-mâ*) ‘человек’, маньчж. *н’алма* ‘человек’ (в маньчжурском языке кластер *лм* < *рм, ср. маньчж. *улмэ* ‘игла’ и нан. *хурмэ* ‘игла’, маньчж. *гулмахун* ‘заяц’ и нан. *гормахō* ‘заяц’).

³ Реконструкция долгого гласного в исходе слова *н’ари́ ‘человек’ основана на том, что в эвенском *н’ари* ‘мужчина, ...’ гласный *и* не отпал в исходе слова (т. е. если бы было *н’ари, то в эвенском следовало бы ожидать *н’ар*, а не *н’ари*). В местоимениях *эри́ ‘этот’ и *тари́ ‘тот’ гласный второго слога был долгим, поскольку в маньчжурских рефлексах *эрэ* ‘этот’ и *тэрэ* ‘тот’ гласный широкий, а не узкий (аналогичное расширение гласного произошло в маньчжурском показателе причастия *-ра/-рэ/-ро* (< **-риа/-риэ/-рио* ~ **-ри*), а также в маньчжурском словообразовательном суффиксе *-ха/-хэ/(-хо?)* (< **-киа/-киэ/(-кио?)* ~ **-ки*), который оформлял названия некоторых живых существ; например, приведенное выше маньчжурское слово *н’эхэ* ‘утка’ восходит к **н’иэ-киэ* ~ **н’и-ки*). Что касается эвенкийских местоимений *эр* ‘этот’ и *тар* ‘тот’, то отпадение гласного в исходе данных слов можно объяснить их очень частым употреблением в речи (кстати, в [ССТМЯ 1977: 165, 460] указаны эвенкийские варианты как без конечного гласного, так и с ним: *эр, эрэ, эри; тар, таре ~ тари*).

⁴ Таким образом, можно предполагать, что словообразовательный суффикс имен прилагательных *-ма/-мэ* был в чжурчжэньско-маньчжурском праязыке; этот суффикс, вероятно, восходит к тунгусо-маньчжурскому праязыку, поскольку его рефлекс есть в трех других ветвях тунгусо-маньчжурской языковой семьи.

Во время одной из поездок на Сахалин с целью изучения орокского языка я записал от Ирины Яковлевны Федяевой (тогда она жила в пос. Вал Ногликского района) словосочетание *нарима нари* ‘человек как человек, настоящий человек’ (букв. ‘человеческий человек’), в котором первый компонент с адъективирующим суффиксом *-ма* соответствует чжурчжэньскому **н'арма* ‘человек’ и маньчжурскому *н'алма* ‘человек’.

Тем же самым адъективирующим суффиксом *-ма* было оформлено орокское слово *н'йма* ‘мужского пола; мужчина’ (*ǰǰу н'йма хитэ* ‘два сына (оба ребенка мужского пола)’) [Аврорин, Лебедева 1978: 210] (*н'й < *н'арй*), ср. орокское же *хусэмэ хитэ* ‘сын’ [Аврорин, Лебедева 1978: 95; текст № 32] (*хусэ* ‘мужского пола (прилагательное)’: *хусэ н'а* ‘мужчина (букв. мужского пола человек)’, *хусэ хитэ* ‘мальчик (букв. мужского пола ребенок)’, *хусэ мала* ‘медведь-самец’ [Аврорин, Лебедева 1978: 250]).

Иное адъективное оформление слова, означающего ‘человек’, можно предполагать в праформе **н'а-кун* ‘человек’. Суффикс **-кун* использовался в пратунгусоманьчжурском языке, он образовывал качественные прилагательные (напр. **к¹иркэ-кун⁵* ‘новый’, **к¹олгō-кун* ‘сухой’), Оформленные этим суффиксом слова могли субстантивироваться: **нэ-кун* ‘младший, младшая; младший брат, младшая сестра’, **җин(д)а-кун* ‘собака’. Таким образом, слово **н'а-кун* буквально означало ‘человеческий’, но впоследствии оно было субстантивировано и стало означать ‘человек’. Рефлексы слова **н'а-кун*, оформленного диминутивным показателем, представлены в нан. *наон'зокā* ‘мальчик’ [Оненко 1980: 283]; улч. *н'авзака(н)* ‘мальчик’ [Суник 1985: 218]. Слово с соответствующей основой есть в удэгейском языке: *п'аула* (транскрипция оригинала) ‘мальчик, подросток, молодой человек; девочка, девушка, молодая женщина’ [Шнейдер 1936: 55] (*п'ау- <*

⁵ В анлауте пратунгусоманьчжурских слов можно реконструировать **к¹* и **к²*; **к²* за редкими исключениями сохранился во всех современных тунгусо-маньчжурских языках, рефлекс **к¹* представлен только в нанайском, улчском и орокском (при этом рефлексом **к¹* является *х*, а рефлексом **к²* — *к*), в остальных тунгусо-маньчжурских языках **к¹*, как правило, бесследно исчез.

**h'aku(h)*-; значение словообразовательного суффикса *-la* определить не удалось). Г. М. Василевич первой привела удэгейское и ульчское слова как родственные словам, означающим ‘человек’ в других тунгусо-маньчжурских языках [Василевич 1958: 290].

Итак, реконструируемые дериваты **h'a-рй*, **h'арй-ма*, **h'a-кун* оформлены адъективирующими словообразовательными суффиксами, слова эти буквально означали ‘человеческий’, а в результате субстантивации стали означать ‘человек’.

От другого варианта корневой основы со значением ‘человек’ (**h'ia-*) при помощи некоего суффикса **-ра* было образовано слово **h'иара*, рефлекс его сохранился в ульчском языке: *h'эра(h) h'й* ‘близкий сердцу человек’, *нарка h'эрани* ‘группа родственников, участвующих в медвежьем празднике’ (*нарка* ‘часть медвежьего праздника’) [Суник 1985: 218, 220]. В нерчинском диалекте эвенкийского языка М. А. Кастреном в конце первой половины XIX в. было записано слово *h'ерави* ‘мужчина’ [Castrén 1856: 86] (< **h'иаравй*). Соответствующие слова имеются в солонском (*h'арáви бэ́жэ* {*h'арави бэ́жэ*} ‘мужчина’ [Ивановский 1894: 29]) и негидальском (*h'э́жавй* («низовской» и «верховской» говоры) ‘юноша, молодой мужчина’, *h'э́жавкāн* («верховской» говор) ‘добрый молодец (фольклорное слово)’ [Цинциус 1982: 251] (запись 1926–1927 гг.; в наших с М. М. Хасановой негидальских фольклорных текстах *h'э́жавкан* (фольклорный герой, «мужичок»)). Возникает вопрос: что представляет собой суффикс *-вй*? В эвенкийском языке *-вй* является показателем возвратного притяжания единственного числа, при этом в эвенкийском, как и в других тунгусо-маньчжурских языках, суффикс *-вй* (мн. ч. *-вар/-вэр/-вор*) оформляет только объект — прямой или косвенный. Возможно, слово **h'иаравй* было образовано тогда, когда возвратным показателем мог быть оформлен не только объект, но в особых случаях также субъект, ср. употребление русского *свой* (*своя, свое*) не при объекте, а при субъекте: *свой человек (пришел), своя рубашка ближе к телу*. Это предположение согласуется с семантикой рефлексов слова **h'иаравй* в эвенкийских диалектах: ‘1) мужчина (молодой); 2) муж, хозяин, мужчина из своей семьи (преимущественно молодой)’ [ССТМЯ 1975: 598] (подчеркнуто мной. — А. П.). Впрочем,

такое объяснение происхождения суффикса *-вй* в слове **н'иаравй* представляется весьма спорным.

Что касается похожего формально и семантически эвенкийского слова *н'брави* (П-Т, Нрч, Чмк) 'мужчина (молодой)' [Василевич 1958: 290], то оно является, по-моему, результатом народной этимологии, ср. эвенк. *н'бра-* 'идти впереди' (слово *н'бравй* не могло быть преобразовано в *н'брави*).

В солонском языке есть слово *н'ируу* 'мужчина' [Do·Dorji 1998: 491], ему соответствует эвенкийское *нирӯ* {*н'иру?*} (П-Т, Е, Ткм) '(обращение) друг, дружок, товарищ' [ССТМЯ 1975: 598], однако предложенное в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» включение эвенкийского *нирӯ* и солонского *нирб* 'мужчина' (так солонское слово приведено в [ССТМЯ 1975: 598]) в словарную статью «НИРАВИ́ мужчина» кажется мне сомнительным, поскольку необходимые для доказательства звуковые соответствия отсутствуют (хотя определенное звуковое сходство, разумеется, существует).

2. Суффиксы со значением 'человек' в тунгусо-маньчжурских языках

2.1. Тунгусо-маньчжурские слова с «человеческим суффиксом», восходящим к **-н'й*

На уровне тунгусо-маньчжурского «постпраязыка»⁶ восстанавливается суффикс **-н'й* со значением 'человек'. Этот суффикс восходит к праязыковому слову **н'й* 'человек', которое не имеет рефлексов в виде слов в современных тунгусо-маньчжурских языках (в том числе рефлексов, осложненных словообразовательными

⁶ Под тунгусо-маньчжурским постпраязыком имеется в виду промежуточный праязык, который существовал после отделения от пратунгусо-маньчжурского языка предка маньчжурского и чжурчжэньского — это деление примерно две тысячи лет назад положило начало образованию тунгусо-маньчжурской языковой семьи.

суффиксами). Однако, как было отмечено выше, орочское и удэгейское *н'й* ‘человек’ можно возводить как к **н'арй*, так и к **н'й*.

Восходящий к **-н'й* суффикс со значением ‘человек’ оформляет числительные в эвенкийском, негидальском и удэгейском языках: эвенк. *иланй* ‘втроем’, *диуинй*, *диңнй* ‘четверо, вчетвером’, *тунҗанй* ‘1. пять человек; 2. впятером’⁷ [Мыреева 2004: 178, 237, 622]; нег. *еланй* ~ *иланй* {*елан'й?* *илан'й?*} ‘трое, втроем’, *диуинй* ~ *диунй* {*диуин'й?* *диун'й?*} ‘четверо, вчетвером’, *тонҗанй* {*тонҗан'й?*} ‘пятеро, впятером’ [Цинциус 1982: 210, 220, 277]; уд. *иланиҗаһа* {*илан'иҗаһа*} (Хор) ‘втроем, все трое’, *дйиниҗэһэ* {*дйин'иҗэһэ*} (Хор) ‘вчетвером’, *туҗаниҗаһа* {*туҗан'иҗаһа*} (Хор) ‘впятером’ [ССТМЯ 1975: 204, 306; ССТМЯ 1977: 215].

Кстати, в эвенкийском языке есть одно исключение: значение ‘два человека; вдвоем’ передается словом *журй*⁸, а не *жунй*, как можно было бы ожидать (ср. нан. *жун'и* ‘два человека; вдвоем’). Предлагаю такое объяснение: в эвенкийских числительных первого десятка, оканчивающихся на *н* (исключениями являются *тунҗа* ‘пять’ и *жур* ‘два’), произошло переразложение: *ила-н'й* > *илан-й* (*илан* ‘три’), *диуи-н'й* > *диуин-й* (*диуин* ‘четыре’) и т. д. Возникший вследствие переразложения суффикс *-й* был присоединен к числительному *жур* ‘два’ — так получилось *журй* ‘два человека; вдвоем’. Иным результатом переразложения стало отвердение звука *н'* — он стал восприниматься как относящийся к основе числительного, именно поэтому по-эвенкийски *иланй* ‘три человека, втроем’, а не *илан'й*⁹.

⁷ М. А. Кастрен приводит иные значения соответствующих эвенкийских числительных (маньковский и урульгинский территориальные варианты): *дигинй*, *дигин'и* ‘четыре штуки’, *тоҗани* ‘пять штук’, *јэгинй* ‘девять штук’, *орини* (маньковский), *орин'и* (урульгинский) ‘двадцать штук’ [Castrén 1856: 75, 84, 88, 90] (немецкое слово Stück в сочетании с числительным может обозначать количество голов скота).

⁸ В эвенкийских диалектах значение ‘двое (вдвоем)’ передается также следующими словами: *журкрэ*, *журксо*, *журктэ*, *журкэн*, *журкэр*, *журкри*, *журксэ*, *журкчэ*, *журр* [Мыреева 2004: 208].

⁹ О том, что, например, в эвенкийском слове *иланй* ‘три человека, втроем’ отсутствует палатализация звука *н*, я узнал от Н. Я. Булатовой (хотел бы

В языках тунгусской, сихотэ-алинской и амуро-сахалинской ветвей тунгусо-маньчжурской языковой семьи¹⁰ есть рефлексы слова **бун'и* ‘мертвый человек’ с «человеческим суффиксом» *-*н'и*: эвенк. *бун'и* {*бун'и*} ‘1) смерть; 2) покойник’ [Мыреева 2004: 109]; эвен. *буни* {*бун'и?*} ‘покойник, мертвец’ [Новикова 1980: 163]; нег. *бун'и* {*бун'и?*} (Н, В) ‘1) смерть; 2) загробный мир’ [Цинциус 1982: 199]; ороц. *бун'и* ‘загробный мир (куда направляются души умерших)’, *инаки бун'ин'и* ‘собачий загробный мир’ [Аврорин, Лебедева 1978: 169]; уд. *бун'и*э, *буни*э {*бун'и*э, *бун'и*э} ‘загробный мир, где, по представлению удэ, живут души (*хан'а*) умерших людей’ [Шнейдер 1936: 21]; орок. *буни* {*бун'и*} ‘могила, земля мертвых’ [Кегами 1997: 27]; нан. *бун'и* ‘загробный, потусторонний мир’ [Оненко 1980: 82]. Исходное значение ‘умерший человек’ сохранилось в эвенкийском, эвенском и негидальском, в других тунгусо-маньчжурских языках значение изменилось (‘мир, земля, куда направляются души умерших’). Следует отметить, что суффикс *-*н'и*, совпадающий с одним из вариантов реконструируемого слова со значением ‘человек’, был присоединен непосредственно к глагольной основе **бу-* ‘умереть’, причем произошло это скорее всего в тунгусо-маньчжурском постпраязыке. Возможно, этим же суффиксом оформлено эвенкийское слово *бин'и* ‘жизнь’ — первоначально оно могло означать ‘живущий человек’ (*би-* ‘быть; жить’), ср. аналогичное семантическое изменение: ‘умерший человек’ > ‘смерть’ (в эвенкийском языке у слова *бун'и* {*бун'и*}, как указывает Г. М. Василевич, представлены оба значения: и ‘покойник’, и ‘смерть’ [Василевич 1958: 68]).

поблагодарить Надежду Яковлевну за весьма ценную для меня консультацию).

¹⁰ Оптимальной мне представляется четырехчленная классификация тунгусо-маньчжурских языков, предложенная Дзиро Икэгами [Кегами 2001: 395–396], при этом я бы предложил называть ветви языковой семьи следующим образом: маньчжурская (чжурчэньский и маньчжурский языки, а также сибирский идиом), амуро-сахалинская (нанайский, ульчский, орокский), сихотэ-алинская (удэгейский, орокский), тунгусская (эвенкийский, эвенский, солонский, негидальский языки, а также арманский, ороченский (не «орочонский») и хамниганский идиомы).

В языках тунгусской, сихотэ-алинской и амуро-сахалинской ветвей тунгусо-маньчжурской языковой семьи есть и другие слова с суффиксом, восходящим к *-н'й̄:

эвен. *hāni* {*hān'й̄?*} ‘родственник (кровный)’ [Новикова 1980: 221] (< *пуа-н'й̄, в [ССТМЯ 1977: 306] сравнивается с эвенк. *hā* (Брг, С) ‘родственник (кровный), сородич’, орок. *лō* ‘1) родственник; 2) родственники, предки’);

эвен. *hōn'и* ‘(фольклорное слово) человек, обладающий особой храбростью, силой и ловкостью; богатырь’ [Новикова 1980: 226] (< *сō-н'й̄ ‘сильный человек’. — А. П.), эвенк. *сōн'ин*¹¹ (П-Т, А, Алд, З, М, Н, Сх, Тнг, У, Урм, Учр, Члм) ‘(фольклорное слово) 1) герой, богатырь, силач; 2) военный предводитель; 3) (У) хороший стрелок’ [ССТМЯ 1977: 101];

эвенк. (С) *буруни* {*бурун'й̄?*} («Шаманским экшэном был камень *буруни*», «Экшэнами называли найденные камни (также кусок дерева, металла), похожие по форме на изображение человека или животного»¹² [Василевич 1969: 230] (основа слова *буруни* {*буру-н'й̄?*} означает ‘кремень’);

эвенк. (С) *нэни* {*нэ́н'й̄?*} ‘покойник’ [Василевич 1958: 284]; что касается производящей основы {*нэ́-*}, то ср. эвенк. *нэ́ви* {*нэ́вй̄?*} (Е, С) ‘1) покойник; 2) дух умершего предка’ [Василевич 1958: 279], где основа *нэ́-* означала не только ‘пространство у воды, у огня, у подножья горы’, но также, по-видимому, и ‘мир мертвых’);

¹¹ По всей вероятности, сегмент -н- в слове *сōн'ин* первоначально представлял собой показатель отчуждаемой принадлежности, который в результате переразложения перестал быть морфемой и стал частью корня.

¹² Эвенк. *эксэн* (Учр) ‘1) вещь, которую бережно хранят, носят при себе; 2) амулет’ [ССТМЯ 1977: 443].

- ороч. *тōн'и* ‘(мифологическое слово) хозяин лосей (представляется в виде огромного лося¹³, величиной с дом)’, ороч. *токи* (устарелое слово) ‘лось’ [Аврорин, Лебедева 1978: 232] (ср. эвенк. *тōкй* ‘лось’);
- ороч. *сāгдан'и* ‘старики, старые люди’ (*сāгда* ‘1) деды, предки; 2) относящийся к предкам, давний, прежний (о людях)’) [Аврорин, Лебедева 1978: 220];
- ороч. *хāн'и, хāн'æ* ‘некоторые, часть из ...’ [Аврорин, Лебедева 1978: 242, 244] (суффикс *-н'æ* восходит к слову **н'иа* ‘человек’ — А. П.), уд. *ханигэту* {*хан'иуэту*} (Хор) ‘некоторые (о людях)’, ульч. *пāни* {*пāн'и*} ‘некоторые’¹⁴, орок. *понилни* {*пōн'илн'и*} ‘остальные, другие, некоторые’¹⁵, нан. *поани* {*поан'и*} (Нх) ‘1) некоторые, остальные; 2) кое-кто, кое-что, кое-какой’¹⁶ [ССТМЯ 1977: 306] (в эвенском *hāни* {*hāн'и?*} (Ол, Алл, М, Ох, П, Ск, Т) ‘часть, кусок’ [ССТМЯ 1977: 305] сегмент *-ни* {*-н'и?*} остается без объяснения из-за разницы в семантике);
- уд. *тэһуниңэхэ* {*тэһун'иңэхэ*} (Хор, Ан) ‘все (о людях)’ (ср. уд. *тэһу* (Хор, Ан) ‘1) все; 2) всё’; *туңаниңаһа* {*туңан'иңаһа*} (Хор) ‘впятером’ [ССТМЯ 1977: 215, 242]);
- ульч. *аңажа, аңажан'и* (< **аңажа + н'й*), *аңан'и* ‘1) сирота; 2) батрак’ [ССТМЯ 1975: 46];

¹³ В соответствии с предлагаемой здесь этимологией орочского слова *тōн'и*, хозяином лосей был, очевидно, человек, но в облике огромного лося.

¹⁴ Ульч. *пāн* {*пāн'и*} ‘некоторые’: *пāн гурусэли* ‘некоторые люди’ [Суник 1985: 223].

¹⁵ Орок. {*пōн'илн'и*} ‘остальные, другие, некоторые’ в историческом плане делится на морфемы следующим образом: *пō-н'и-л-н'и* часть-ЧЕЛОВЕК-PL-POSS.3SG.

¹⁶ Похоже на то, что в нанайском языке мы имеем дело с омонимами: *поа-н'и* (с «человеческим суффиксом») ‘некоторые, остальные (только о людях)’ и *поа-н'и* (с притяжательным показателем 3-го л. ед. ч.) ‘некоторые (не только о людях)’; в словаре [Оненко 1980: 332] приведен следующий фразовый пример: *поан'и* *огда тэвэку, поан'и* — *гэу* ‘некоторые лодки гружены, а некоторые — пустые’.

нан. *хэжэн'и* (то же, что *нāнай*, *нāни* — самоназвание нанайцев [Оненко 1980: 282, 283, 486]); этноним *хэжэн'и* буквально означал ‘человек (люди) нижнего течения реки’ (имелась в виду река Амур); интересно, что в одном самоназвании нанайцев (*хэжэн'и*) сегмент *-н'и* восходит к слову **н'й̄* ‘человек’, а в другом их самоназвании (*нāни*) сегмент *-ни* является относительно более поздним, его следует возводить к слову **н'арй̄* (**н'арй̄* > **н'ари* > **н'ай* > *най* > **нй̄* > *-ни*).

Вероятно, таким же по происхождению «человеческим суффиксом» оформлены имена некоторых героев эвенкийского фольклора: *Нивэньн̄жэ* {*Н'ивэн'йн'жэ?* *Нивэн'йн'жэ?*}, *Отанй̄* {*Отан'й̄?*}, *Умүснй̄* {*Умүсн'й̄?*}, *Гарпанй̄кән* {*Гарпан'й̄кән?*} [Василевич 1966: 62, 66, 89, 98] (суффикс *-н'жэ̄/-н'жэ̄/-н'жэ̄* имеет аугментативное значение, а суффикс *-кән/-кән/-кән* — диминутивное).

2.2. Тунгусо-маньчжурские слова с суффиксом, восходящим к слову **н'арй̄* ‘человек’

Т. И. Петрова обратила внимание на сходство ульчского суффикса *-пи* в собирательных числительных и слова *пи* ‘человек’: «Числительные в значении двое, трое и т. д. имеют суффиксом *-пи*, например: *ilani*, *djini*, *tunzani* и т. д. Суффикс *-пи* имеет большое сходство с существительным *пи* ‘человек’ (в буквальном значении получаем *два человека*, *три человека*, *четыре человека* и т. д.), и только употребление этой формы в значении собирательного числительного позволяет рассматривать *пи* как суффикс» [Петрова 1936: 45–46].

Г. М. Василевич при описании эвенкийских собирательных числительных, в частности формы для счета людей (суффикс *-ни*), отметила, что в ульчском языке слово *ни* {*н'й̄*} означает ‘человек’ [Василевич 1940: 90]; очевидно, Глафира Макарьевна имела в виду, что эвенкийский суффикс *-ни* происходит от слова со значением ‘человек’.

В нанайском языке, как пишет В. А. Аврорин, «формы типа *дюэни*, *илани* и т. п. грамматизовались и закрепились в разряде собирательных

наречий еще не окончательно. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что любой нанай, употребляющий в речи эти формы, без труда может расшифровать их состав, а во-вторых, то, что согласный [н] в составе суффикса перед гласным [и] или вовсе не палатализуется, или палатализуется в слабой степени, что характерно для согласных, стоящих перед недавно монофтонгизовавшимся или лишь факультативно монофтонгизирующимся дифтонгом [аи]/[эи]» [Аврорин 1961: 191].

В ульчском языке, как и в орокском, суффикс со значением ‘человек’ может присоединяться к причастию: «Наиболее же продуктивно образование имен деятелей посредством соединения причастий настоящего времени с существительным *н'й* ‘человек’, превращающимся в этих случаях в полусуффикс, утрачивающий свою лексическую самостоятельность и сливающийся с глагольным словом в один лексический комплекс: *дэ́син'и* ‘работник’ (< ‘работающий человек’), *бу́тин'й* ‘рыбак’ (< ‘рыбачащий человек’), *бэйчин'и* ‘охотник’ (< ‘охотящийся человек’) и т. п. В отличие от соответствующих личных форм причастия, имеющих в форме 3-го л. ед. ч. окончание *-нй/-ни/-н*, показатель имени деятеля *-н'й/-н'и* всегда палатализован (*н*): *бэйчини* ‘(он) охотящийся ~ охотится’, *бэйчи н'й* > *бэйчин'и* ‘охотящийся человек ~ охотник’. Ср. также *нāн(й)* ‘он’, *нāн'й* ‘ульчи’ (самоназвание ульчей), а также числительные собирательные — *йлан'й* ‘трое’ < *йла(н) н'й* ‘три человека’, *тун'зан'й* ‘пятеро’ < *тун'за н'й* ‘пять человек’ и т. п.» [Суник 1985: 35–36].

Таким образом, в нанайском «человеческом суффиксе» *-ни* согласный перед *и* «или вовсе не палатализуется, или палатализуется в слабой степени» [Аврорин 1961: 191], в ульчском же языке соответствующий суффикс палатализован [Суник 1985: 36]. Причина такого несоответствия в генетически весьма близких языках заключается в том, что ульчский суффикс *-н'и* произошел от слова **н'аи* ‘человек’ (< **н'арй*), в то время как соответствующий нанайский суффикс *-ни* восходит к слову *наи* ‘человек’, в котором согласный подвергся депалатализации¹⁷ (**н'арй* > **н'ари* > **н'аи* > *наи*). Что

¹⁷ В языках амуро-сахалинской ветви депалатализация перед широкими гласными характерна для орокского, в нанайском же она бывает лишь в виде

касается палатализации / непалатализации звука *н* в показателе 3-го л. ед. ч., то в нанайском и орокском, в отличие от ульчского, все переднеязычные согласные перед гласным *и* автоматически палатализуются (напомню — в нанайском языке это правило не распространяется на те случаи, когда гласный *и* является результатом стяжения дифтонга аи/эи).

2.3. Тунгусо-маньчжурские слова с суффиксом, восходящим к слову *н'иа ‘человек’

К слову *н'иа ‘человек’ восходят суффиксы в собирательных числительных солонского, ороцкого и орокского языков: сол. *илане* {*илан'е?*} ‘трое, втроем’ [Do·Dorji 1998: 326]; ороц. *илан'æ* ‘1) трое, три человека; 2) втроем’ [Аврорин, Лебедева 1978: 187]; орок. *илāннē* {*илāн'н'ē*} ‘три человека’ [Ikegami 1997: 78].

Особый интерес представляет орокский суффикс *-н'н'ē* — он вполне поддается внутренней реконструкции: гласный *ē* в орокском языке появился в результате стяжения восходящего дифтонга *иа/*иэ, согласный в инлауте перед дифтонгом или перед долгим гласным закономерно становился в этом языке долгим, т. е. *-н'н'ē* < *-н'иа/*-н'иэ. Суффикс *-н'н'ē* произошел от *н'иа ‘человек’, однако в современном орокском языке нет рефлекса этого слова, ‘человек’ по-орокски — *нари*, что соответствует ульчскому *н'й* и нанайскому наи ‘человек’¹⁸.

исключения (например, нан. *нуктэ* ‘волосы’ < **н'уктэ* < **н'иуктэ* < **н'ируктэ*; ср. ороц. *н'уктэ* ‘волосы’ [Аврорин, Лебедева 1978: 211], а также орок. *нируктэ* {*н'ируктэ*} (информанты *Нарка, Gergөлө, Јэгиңэни*), *нуриктэ* (информант *Кауо*) ‘волосы’ [Ikegami 1997: 138]).

¹⁸ В орокском языке звук *р* не выпал перед реконструируемым *й* в следующих словах: *нари* ‘человек’, *тари* ‘тот’, *эри* ‘этот’ (ср. ульч. *н'й* ‘человек’, *тй* ~ *ти* ‘тот’, *эй* ‘этот’, нан. наи ‘человек’, тэй ‘тот’, эй ‘этот’); эти орокские, ульчские и нанайские слова восходят к **н'арй*, *тарй и *эрй (см. примечание 3). Интересно, что показатель причастия **-рй*, присоединяющийся к основам, которые

Восстанавливаемому орокскому **н'иа* ‘человек’, превратившемуся из лексической единицы в морфологическую, соответствует орокское слово *н'æ* ‘1) человек; 2) (иногда) мужчина; 3) кто-то, некто; 4) другой, чужой, посторонний человек’ [Аврорин, Лебедева 1978: 210] (*н'æ* < **н'иа*), а также, вероятно, удэгейское (анюйский говор) фольклорное слово *н'ē* ‘человек (при обращении к незнакомому)’ [ССТМЯ 1975: 599] (*н'ē* < **н'иа*?). В орокском языке совпадает лексическая единица *н'æ* ‘человек’ с морфологической -*н'æ* с тем же значением (например, *илан'æ* ‘1) трое, три человека; 2) втроем’ [Аврорин, Лебедева 1978: 187]. Вполне вероятно, что орокское **н'иа* ‘человек’ было заимствовано из орокского языка¹⁹. Возможно, что под орокским влиянием слово **н'иа* ‘человек’ превратилось в суффикс, при этом орокский язык стал значительно активнее, чем орокский, использовать «человеческий суффикс» — показатель -*н'н'ē* оформляет не только числительные и существительные, но также прилагательные, указательные местоимения и причастия, то есть слова, допускающие именную словоизменительную аффиксацию. Приведу примеры:

гēда-н'н'ē ‘один человек’, *горопчи-н'н'ē* ‘давний, давнишний человек’, *эктэ-н'н'ē* ‘женщина’, *сагژی-н'н'ē* ‘старый человек’, *хасу-н'н'ē?* ‘сколько человек?’, *тари-н'н'ē* ‘тот человек’, *сокто-хо-н'н'ē* ‘пьяный, опьяневший человек’ [Икегамі 1997: 55, 65, 72–73, 172, 188, 200, 233], *дуҥ-н'ē-н'и*²⁰ ‘житель (жители?) дома’, *гаса-н'н'ē-н'и* ‘житель (жители?) деревни’, *дōлži-н'н'ē*²¹

оканчиваются на краткий гласный, утратил звук *p* во всех языках амуро-сахалинской ветви: улч. *ани*, нан. *анаи*, орок. *ан'н'ē* (< *ана-рй, где основа означает ‘толкнуть, толкать’).

¹⁹ Об исторических контактах орокского языка с орокским см. статью [Певнов 2018].

²⁰ Орок. *дунн'ēн'и* < **дунн'н'ēн'и* < **дуг-н'н'ē-н'и*.

²¹ В результате историко-фонетических преобразований орокское причастие *дōлži* ‘слышащий’ (< *дōлži-ри < *дōлди-рй) совпало по форме с основой *дōлži* ‘слышать’.

‘слышащий человек’, *сама-н'н'ē* ‘шаман’, *сэгдэ-н'н'ē* ‘(фольклорное слово) красный человек’, *маңга-н'н'ē-па* ‘сильного человека (форма аккузатива)’ [Икэгами 2007: 7, 8, 41, 62, 93, 111] (в этих примерах и далее во всех, заимствованных из работ [Ikegami 1997; Икэгами 2007], палатализация долгого согласного в суффиксе *-н'н'ē*, а также согласного в посессивном показателе 3-го л. ед. ч. *-н'и* обозначена мной. — А. П.).

И еще несколько примеров, записанных мной от И. Я. Федяевой (1940 г. р.) в 2010 г. в селе Вал Ногликского района Сахалинской области: *Амбамба бā-ха-н'н'ē-ңат'и пулаххиси* ‘Кричишь, как сумасшедший человек’ (букв.: ‘Как будто черта нашедший (встретивший) человек кричишь’ (*бā-ха-н'н'ē-ңат'и* найти, встретить-РТСР. PST-ЧЕЛОВЕК-SIMIL), *чипāли-н'н'ē-па-ппо* ‘всех нас’ (все-ЧЕЛОВЕК-ACC-POSS.1PL), *пастухи-н'н'ē* ‘пастух’ (пастух-ЧЕЛОВЕК).

В этих примерах суффикс *-н'н'ē* вряд ли можно считать словообразовательным: *сагži-н'н'ē* — это не ‘старик’, а ‘старый человек’; *дōлži-н'н'ē* — это не ‘слушатель’, а ‘слышащий человек’ (ср. *дōлži-ха-н'н'ē* ‘услышавший человек’ (слышать-РТСР.PST-ЧЕЛОВЕК)). Получается, что в этих орокских словах два лексических центра — один представлен корнем, а другой суффиксом. Это напоминает инкорпорацию, но, конечно же, ею не является, поскольку инкорпорация предполагает включение в словоформу двух корневых основ. Для приведенных орокских примеров подходит термин «лексическая аффиксация». Со временем лексические аффиксы могут либо грамматализоваться, либо десемантизироваться в результате перерасложения. С орокским «человеческим суффиксом» *-н'н'ē* не произошло ни то, ни другое.

Итак, аффиксализация (не аффиксация) представляет собой превращение слова в аффикс, который при этом не всегда грамматализуется — в таком случае аффикс может передавать лексическое значение, свойственное слову, от которого этот аффикс происходит.

Наличие в одной словоформе двух лексических центров позволяет говорить о том, что орокский суффикс *-н'н'ē* выражает логическое определяемое, а основа, к которой он присоединен — логическое

определение, то есть, например, в слове *тарин'н'ē* ‘тот человек’ суффикс *-н'н'ē* выражает логическое определяемое, а основа *тари-* — логическое определение.

Примеры *сокто-хо-н'н'ē* ‘пьяный, опьяневший человек’ (опьянеть-РТСР.PST-ЧЕЛОВЕК), *бā-ха-н'н'ē-җаги* ‘как нашедший (встретивший) человек’ (найти,встретить-РТСР.PST-ЧЕЛОВЕК-SIMIL) или же *эну-си-н'н'ē* ‘больной человек’ [Ikegami 1997: 59] (болеть-РТСР.PRS-ЧЕЛОВЕК) интересны тем, что суффикс *-н'н'ē* следует за словоизменительным показателем, а именно — за показателем причастия. Это свидетельствует о том, что суффикс *-н'н'ē* не является словообразовательным, поскольку словообразовательный суффикс должен находиться перед словоизменительным.

Приведу еще один пример, в котором орокский суффикс *-н'н'ē* расположен также после словоизменительного показателя, а именно — после суффикса *-лу*, который оформляет объект обладания (‘имеющий что-то или кого-то’): *тутдэмэлунн'э*²² {*тутдэмэ-лу-н'н'ē*} ‘в одежде из рысьего меха’ [ССТМЯ 1977: 174] (точнее, ‘человек, имеющий одежду из рысьего меха’. — А. П.).

Свидетельством недавнего стяжения атрибутивного словосочетания в слово может быть, например, орокское *доро-н'н'ē-ни* ‘человек (житель) северного Сахалина’ [Ikegami 1997: 48]; в этом слове сохранился уже не «работающий» оформитель изафетной связи — показатель 3-го л. ед. ч. *-ни*. Слово *доро* означает ‘северный Сахалин’, оно употребляется, например, в словосочетании *доро нāн'и* ‘северная местность (то есть северный Сахалин)’ [Ikegami 1997: 48]. В отличие от этого словосочетания, буквально означающего ‘земля северного Сахалина’, аналогичное словосочетание со значением ‘человек северного Сахалина’ подверглось стяжению, при этом оформитель синтаксической связи как бы по инерции сохранился, в результате

²² В оригинальном тексте, записанном К. А. Новиковой в 1949 г. на Сахалине, *тутдэм'елунне* ‘в рысьей одежде’ (наряду с *вāјам'елунне* ‘в рыбьей одежде’). Благодарю Л. В. Озолиню за возможность ознакомиться с архивными материалами К. А. Новиковой, хранящимися в Институте филологии Сибирского отделения РАН.

из словосочетания *доро *н'ĕ-н'и* ‘человек северного Сахалина’ получилось слово *доро-н'н'ĕ-н'и* с десемантизированным посессивным показателем 3-го л. ед. ч. *-н'и*.

Примерами, иллюстрирующими недавнюю аффиксализацию, могут служить орокские словоформы *ча-н'н'ĕ-па* ‘того человека’ и *ча-н'н'ĕ-таи* (*аксахамби*) ‘на того человека (обиделся, обиделась)’ [Kegami 1997: 5, 200] (тот.OBL-ЧЕЛОВЕК-АСС; тот.OBL-ЧЕЛОВЕК-ALL), в которых вместо основы *тари-* ‘тот’ представлена основа *ча-* (впрочем, допустима и словоформа *тари-н'н'ĕ-па* [Kegami 1997: 200]). В орокском языке форма указательных местоимений в атрибутивной функции зависит от падежа того слова, к которому эти местоимения относятся, — местоименная форма *тари* употребляется при определяемом в именительном падеже, а местоименная форма *ча* используется при определяемом во всех косвенных падежах. Таким образом, в словоформе *ча-н'н'ĕ-па* мы видим странное согласование — не в рамках словосочетания, а внутри словоформы. Объясняется это тем, что морфологизация синтаксиса — стяжение словосочетания *ча *н'ĕ-па* в словоформу *ча-н'н'ĕ-па* — произошла относительно недавно.

Дополнительным свидетельством сравнительно недавней аффиксализации слова **н'ĕ* (< **н'иа*) ‘человек’ является орокское слово *пōн'и-н'н'ĕ-н'и* ‘остальные люди, другие люди’ [Kegami 1997: 162], в котором новый, причем, по-видимому, заимствованный «человеческий суффикс» *-н'н'ĕ* был присоединен к старому, исконному *-н'и*. При этом суффикс *-н'н'ĕ* является лексическим, в то время как сегмент *-н'и* можно интерпретировать либо как словообразовательный суффикс, либо как уже десемантизированную часть корневой основы *пōн'и-*. Однако любопытно то, что оба эти элемента — и *-н'и*, и *-н'н'ĕ* — восходят к вариантам одного и того же слова, означавшего ‘человек’ в пратунгусоманьчжурском языке.

Из всех тунгусо-маньчжурских языков аффиксализация слова со значением ‘человек’ без последующей грамматикализации ярче всего представлена в орокском языке. Причина заключается, вероятно, в том, что в условиях островной изоляции от близкородственных языков орокский имел ничем не ограниченную возможность создавать как в морфологии, так и в фонетике нечто новое

как на основе исконного материала, так и с использованием заимствованного. К числу таких инноваций относится аффиксализация слова со значением ‘человек’, причем «человеческий суффикс» *-н'н̄* не успел превратиться в словообразовательный и свободно присоединяется в качестве второго лексического центра не только к числительным и существительным, но также к указательным местоимениям, прилагательным и причастиям, то есть к любым словам, предполагающим именное словоизменение.

Список условных сокращений

маньж. — маньжурский язык; нан. — нанайский язык; нег. — негидальский язык; орок. — орокский (уильта) язык; ороч. — ороцкий язык; сол. — солонский язык; уд. — удэгейский язык; ульч. — ульчский язык; чж. — чжурчжэньский язык; эвен. — эвенский язык; эвенк. — эвенкийский язык

Территориальные варианты тунгусо-маньжурских языков
(по [ССТМЯ 1975: XXIV–XXV], а также по [Мыреева 2004: 14])

Нанайский язык

Нх — найхинский говор, Бк — бикинский говор

Негидальский язык

В — верхнеамгуньский говор, Н — нижнеамгуньский говор

Удэгейский язык

Ан — анюйский говор, Бик — бикинский говор, Смрг — самаргинский говор, Хор — хорский говор

Эвенкийский язык

А — аянский говор восточного наречия, Алд — алданский говор восточного наречия, Брг — баргузинский говор южного наречия, Е — ербогочёнский говор северного наречия, З — зейский говор восточного наречия, И — илимпийский говор северного наречия, Ие — иенгринский говор восточного наречия, М — майский говор восточного наречия, Н — непский говор южного наречия, Нрч — нерчинский говор восточного наречия, П-Т — подкаменнотунгусские говоры южного наречия, С — сымский говор южного наречия, Сх — сахалинские

говоры восточного наречия, Ткм — токминский говор южного наречия, Тмт — томмотский говор восточного наречия, Тнг — тунгирский говор восточного наречия, У — учамский говор южного наречия, Урм — урмийский говор восточного наречия, Учр — учурский говор восточного наречия, Члм — чульманский говор восточного наречия, Чмк — чумиканский говор восточного наречия

Эвенский язык

Алл — аллайховский говор среднего наречия, Арм — арманский диалект, Б — быстринский говор восточного наречия, К-О — колымско-омолонский говор восточного наречия, М — момский говор среднего наречия, Ол — ольский говор восточного наречия, Ох — охотский говор восточного наречия, П — пенжинский говор восточного наречия, Ск — саккырырский говор западного наречия, Т — томпонский говор среднего наречия

Список глосс

ACC — винительный падеж; ALL — направительный падеж; INSTR — творительный падеж; OBL — основа косвенных падежей; POSS.1PL — притяжание 1-го лица множественного числа; POSS.3SG — притяжание 3-го лица единственного числа; PTCP.PRS — причастие имперфективное; PTCP.PST — причастие перфективное; SIMIL — подобие

Литература

- Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
- Аврорин, Лебедева 1978 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Орочские тексты и словарь. Л.: Наука, 1978.
- Василевич 1940 — Г. М. Василевич. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Пособие для преподавателей эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940.
- Василевич 1966 — Г. М. Василевич (запись текстов, перевод и комментарии). Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.; Л.: Наука, 1966.

- Василевич 1969 — Г. М. Василевич. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
- Ивановский 1894 — А. О. Ивановский. Mandjurica. I. Образцы солонского и дахурского языков. СПб.: б. и., 1894.
- Икэгами 2007 — Икегами Дзиро. Сказания и легенды народа уйльта. Саппоро: филологический факультет университета Хоккайдо, 2007.
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.; Л.: Наука, 1964.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыхейский (удэгейский) язык. М.: Наука, 1998.
- Новикова 1980 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор: глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Л.: Наука, 1980.
- Певнов 2018 — А. М. Певнов. Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине // Acta Linguistica Petropolitana. 2018. Т. XIV. Ч. 1. С. 441-464.
- Петрова 1936 — Т. И. Петрова. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936.
- Суник 1985 — О. П. Суник. Ульчский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
- Castrén 1856 — M. A. Castrén. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Herausgegeben von Anton Schiefner. St. Petersburg, 1856.
- Ikegami 2001 — Jirô Ikegami. Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen // Researches on the Tungus language by Jirô Ikegami. Tokyo: Kyûko Shoin, 2001. P. 395–396.

Источники

- Василевич 1958 — Г. М. Василевич (сост.). Эвенкийско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Мыреева 2004 — А. Н. Мыреева. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004.
- Оненко 1980 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.
- Савельева, Таксами 1970 — В. Н. Савельева, Ч. М. Таксами (сост.). Нивхско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970.

- ССТМЯ 1975 — В. И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л.: Наука, 1975.
- ССТМЯ 1977 — В. И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. II. Л.: Наука, 1977.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936.
- Do·Dorji 1998 — 杜·道尔基 编著. 鄂汉词典. 海拉尔: 内蒙古文化出版社, 1998 [Du Dao'erji bianzhe. E-Han cidian. Haila'er: Nei Menggu wenhua chubanshe, 1998. До Дорджи (сост.). Эвенкийско-китайский словарь. Хайлар: Культура Внутренней Монголии, 1998].
- Ikegami 1997 — Jirō Ikegami. A dictionary of the Uilta language spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.
- MED 1960 — F. D. Lessing (ed.). Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press; Cambridge University Press, 1960.

References

- Avrorin 1959 — V. A. Avrorin. *Grammatika nanayskogo yazyka. Tom 1. Foneticheskoye vvedeniye i morfologiya imennykh chastey rechi* [Grammar of the Nanai language. Vol. 1. Phonetic introduction and morphology of the nominal parts of speech]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959.
- Avrorin 1961 — V. A. Avrorin. *Grammatika nanayskogo yazyka. Tom 2. Morfologiya glagolnykh i narechnykh chastey rechi, mezhdometiy, sluzhebnykh slov i chas-tits* [Grammar of the Nanai language. Vol. 2. Morphology of the verbal and adverbial parts of speech, of interjections, function words and particles]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961.
- Avrorin, Lebedeva 1978 — V. A. Avrorin, Ye. P. Lebedeva. *Orochskiyе teksty i slovar* [Oroch texts and dictionary]. Leningrad: Nauka, 1978.
- Castrén 1856 — M. A. Castrén. *Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis*. Herausgegeben von Anton Schiefner. St. Petersburg, 1856.
- Ikegami 2001 — Jirō Ikegami. Versuch einer Klassifikation der tungusischen Sprachen. *Researches on the Tungus Language by Jirō Ikegami*. Tokyo: Kyūko Shoin, 2001. P. 395–396.
- Ikegami 2007 — Jiro Ikegami. *Skazaniya i legendy naroda uylta* [Uilta Folk Tales and Legends]. Sapporo: Graduate School of Letters, Hokkaido University, 2007.

- Ivanovskiy 1894 — A. O. Ivanovskiy. *Mandjurica. I. Obraztsy solonskogo i dakhurskogo yazykov* [Mandjurica. I. Samples of the Solon and Dakhur languages]. St. Petersburg: S. n., 1894.
- Konstantinova 1964 — O. A. Konstantinova. *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964.
- Kormushin 1998 — I. V. Kormushin. *Udykheyskiy (udegeyskiy) yazyk* [The Udykhe (Udege) language]. Moscow: Nauka, 1998.
- Novikova 1980 — K. A. Novikova. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Olskiy govor: glagol, sluzhebnyye slova, teksty, glossariy* [Study of dialects of the Even language. Ola dialect: Verb, function words, texts, glossary]. Leningrad: Nauka, 1980.
- Pevnov 2018 — A. M. Pevnov. Lingvisticheskiye svidetelstva istoricheskikh kontaktov orokov i orochev na Sakhaline [Linguistic evidence of historical contacts between Oroks and Orochs on Sakhalin]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018. Vol. XIV. Pt. 1. P. 441–464.
- Petrova 1936 — T. I. Petrova. *Ulchskiy dialekt nanayskogo yazyka* [The Ulcha dialect of the Nanai language]. Moscow; Leningrad: State Educational-Pedagogical Publishing House, 1936.
- Sunik 1985 — O. P. Sunik. *Ulchskiy yazyk. Issledovaniya i materialy* [Ulcha language. Research and materials]. Leningrad: Nauka, 1985.
- Tsintsius 1982 — V. I. Tsintsius. *Negidalskiy yazyk. Issledovaniya i materialy* [Negidal language. Research and materials]. Leningrad: Nauka, 1982.
- Vasilevich 1940 — G. M. Vasilevich. *Ocherk grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka. Posobiye dlya prepodavateley evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Essays on Evenki (Tungus) grammar. A Manual for teachers of the Evenki (Tungus) language]. Leningrad: State Educational-Pedagogical Publishing House of Nar-kompros of the RSFSR, 1940.
- Vasilevich 1966 — G. M. Vasilevich (texts recording, translation, and commentary). *Istoricheskiy folklor evenkov. Skazaniya i predaniya* [Historical folklore of Evenks. Tales and legends]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966.
- Vasilevich 1969 — G. M. Vasilevich. *Evenki. Istoriko-etnograficheskiye ocherki (XVIII — nachalo XX veka)* [Evenki. History-ethnographical studies (XVIII — the beginning of the XX century)]. Leningrad: Nauka, 1969.